Террористический

ЭЛЕМЕНТ В НАШЕЙ ПРОГРАММЕ

2 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Ц Г 7
Т 435

2010

4556
ЦГТ
Т435
Библиотека ИМЭЛ
12259
К.

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

Отдѣльный оттискъ изъ «Революціонной Россіи», № 7.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКІЙ ЭЛЕМЕНТЪ ВЪ НАШЕЙ ПРОГРАММѢ.

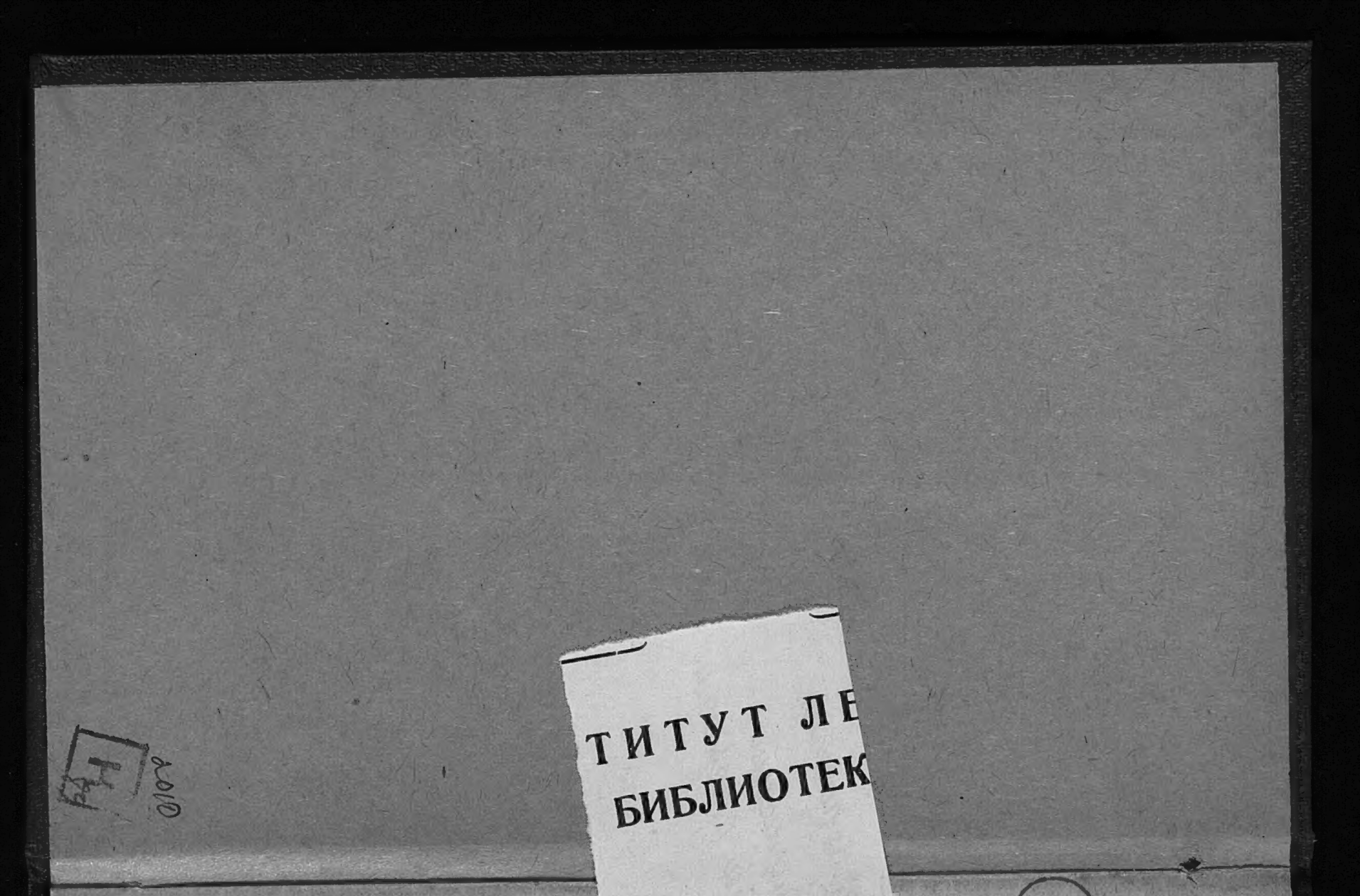
Террористич. Элемент в нашей программе. 2 экз.

Вопросъ о своевременности или несвоевременности, вредѣ или пользѣ террористическихъ дѣйствій вновь возродился въ революціонной литературѣ. Выстрѣлъ Балмашева вызвалъ нѣсколько попытокъ вновь воскресить прежніе дебаты на ту же тему.

Теперь безъ колебаній можно сказать, что это — „давнишній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою“... Сколько ни высказывали сомнѣній, сколько возраженій ни выставляли противъ этого способа борьбы партійные догматики, жизнь каждый разъ оказы- ских предубѣжденій. Террористи- е то что просто „нужными“ и „цѣ- ыми, *неизбѣжными*. Прежде, чѣмъ еры всегда—передъ эпохой народо- редъ послѣдними событіями—пыта- ъ, и только неумолимой логикой ь къ иному практическому выводу. орьбы, связанной прежде всего съ всѣ мы рады ухватиться за всякій бы насъ отъ проклятой обязанно- щаго слова на смертельное оружіе ны въ выборѣ средствъ.

Теперь, въ то время, какъ „книжники“ вели чернильную баталію по вопросу о томъ, можно-ли терроризму придавать только „эксцитативное“, т. е., по просту говоря, агитаціонное, возбуждающее значеніе, или-же надо допустить также значеніе устрашающее и дезорганизующее — жизнь выдвинула на первый планъ такого рода потребность въ террористическихъ средствахъ, передъ которою должны были умолкнуть всѣ прежнія возраженія. Террористическіе акты сдѣлались необходимыми въ качествѣ самозащиты, въ качествѣ оружія необходимой самообороны, безъ которой разгулъ ничѣмъ не сдерживаемаго самодержавнаго произвола переходитъ всякія границы и становится нестерпимымъ. Тактика правительства понятна и проста. Оно было застигнуто врасплохъ неожиданно сильнымъ ростомъ революціоннаго настроенія массъ; оно спохватилось, оно надѣется, что еще не поздно, что рядомъ экстраординарныхъ мѣръ еще можно задушить въ странѣ ростки протеста. Судорожными усиліями оно пытается это сдѣлать. И правительственный терроръ имѣетъ свою логику. Если на демонстрантовъ перестаютъ дѣйствовать грозные окрики городовыхъ, то въ ходъ пускаются палки и пинки; перестаютъ дѣйствовать они — пускается въ ходъ натискъ лошадьми; привыкаютъ и къ этому—на сценѣ появляются нагайки; привыкаютъ къ нагайкамъ — начинаютъ гулять по головамъ демонстрантовъ ружейные приклады, обнаженныя шашки и, наконецъ, разда-

2 экз. т.


ТИТУТ ЛЕ
БИБЛИОТЕК

4556
ЦГТ
Т435
Библиотека ИМЭЛ
12259

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

Отдѣльный оттискъ изъ «Революціонной Россіи», № 7.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКІЙ ЭЛЕМЕНТЪ ВЪ НАШЕЙ ПРОГРАММѢ.

Вопросъ о своевременности или несвоевременности, вредѣ или пользѣ террористическихъ дѣйствій вновь возродился въ революціонной литературѣ. Выстрѣлъ Балмашева вызвалъ нѣсколько попытокъ вновь воскресить прежніе дебаты на ту же тему.

Теперь безъ колебаній можно сказать, что это — „давнишній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою“... Сколько ни высказывали сомнѣній, сколько возраженій ни выставляли противъ этого способа борьбы партійные догматики, жизнь каждый разъ оказывалась сильнѣе ихъ теоретическихъ предубѣжденій. Террористическія дѣйствія оказывались не то что просто „нужными“ и „цѣлесообразными“, а *необходимыми, неизбѣжными.* Прежде, чѣмъ перейти къ нимъ, революціонеры всегда—передъ эпохой народовольчества не менѣе, чѣмъ передъ послѣдними событіями—пытались воздерживаться отъ нихъ, и только неумолимой логикой событій неизбѣжно приводились къ иному практическому выводу. Самый характеръ террорист. борьбы, связанной прежде всего съ пролитіемъ крови, таковъ, что всѣ мы рады ухватиться за всякій аргументъ, который избавилъ бы насъ отъ проклятой обязанности мѣнять оружіе животворящаго слова на смертельное оружіе битвъ. Но мы не всегда вольны въ выборѣ средствъ.

И теперь, въ то время, какъ „книжники“ вели чернильную баталію по вопросу о томъ, можно-ли терроризму придавать только „эксцитативное“, т. е., по просту говоря, агитаціонное, возбуждающее значеніе, или-же надо допустить также значеніе устрашающее и дезорганизующее — жизнь выдвинула на первый планъ такого рода потребность въ террористическихъ средствахъ, передъ которою должны были умолкнуть всѣ прежнія возраженія. Террористическіе акты сдѣлались необходимыми въ качествѣ самозащиты, въ качествѣ оружія необходимой самообороны, безъ которой разгулъ ничѣмъ не сдерживаемаго самодержавнаго произвола переходитъ всякія границы и становится нестерпимымъ. Тактика правительства понятна и проста. Оно было застигнуто врасплохъ неожиданно сильнымъ ростомъ революціоннаго настроенія массъ; оно спохватилось, оно надѣется, что еще не поздно, что рядомъ экстраординарныхъ мѣръ еще можно задушить въ странѣ ростки протеста. Судорожными усиліями оно пытается это сдѣлать. И правительственный терроръ имѣетъ свою логику. Если на демонстрантовъ перестаютъ дѣйствовать грозные окрики городовыхъ, то въ ходъ пускаются палки и пинки; перестаютъ дѣйствовать они — пускается въ ходъ натискъ лошадьми; привыкаютъ и къ этому—на сценѣ появляются нагайки; привыкаютъ къ нагайкамъ — начинаютъ гулять по головамъ демонстрантовъ ружейные приклады, обнаженныя шашки и, наконецъ, разда-

ются ружейные залпы. Дальше, казалось, идти некуда. Но и ружейныя пули не останавливаютъ демонстрацій. Что дѣлать? Русское правительство изобрѣтательно. . . . Оно знаетъ, какъ всего больнѣе уязвить протестантовъ; оно знаетъ, что для нихъ есть нѣчто такое, чѣмъ они дорожатъ больше самой жизни: это ихъ человѣческое достоинство. И вотъ по данному свыше знаку возводится въ систему самое наглое издѣвательство надъ личностью протестантовъ, надругательство надъ ихъ честью. Связаннаго врага истязуютъ въ участкахъ и тюрьмахъ; на женщинъ и дѣвушекъ обрушиваются сугубыя униженія; нечистыя руки жандармовъ грубо касаются ихъ тѣла, съ подчеркнутымъ намѣреніемъ надругаться надъ женской честью, надъ дѣвичьей стыдливостью; наконецъ, порка, позорная порка, отъ которой даже уголовные обитатели „міра отверженныхъ“ все чаще и чаще начинаютъ спасаться самоубійствомъ, грозитъ сдѣлаться обычнымъ средствомъ усмиренія бунтовъ, стачекъ и демонстрацій...

„Мы не знаемъ, какими ужасами еще наполнятъ страну наши правители, но мы знаемъ, что нѣтъ ужасовъ, нѣтъ звѣрствъ, которыхъ они съ легкимъ сердцемъ не сѣяли бы вокругъ себя“*).

Правительство, видимо, надѣется, что подъ грудой неслыханныхъ оскорбленій оно раздавитъ всякій духъ протеста, наполнитъ смертельнымъ ужасомъ сердца, и загонитъ робкую толпу на единственный, оставшійся свободнымъ путь—ведущій къ западнямъ и ловушкамъ зубатовщины и правительственнаго „сердечнаго попеченія“. Оно разсчитываетъ, что позорный кличъ „независимыхъ“: „мы не хотимъ вести рабочихъ путемъ, ведущимъ въ Сибирь и тюрьму“ получитъ еще больше силы, если къ Сибири и тюрьмѣ присоединится позорная розга и ужасная висѣлица. При такихъ условіяхъ нѣтъ иного выхода, какъ доказать правительству обратное.

„Въ странѣ, гдѣ при выраженіи мирнаго протеста министры намѣреваются залить кровью столицу и имѣютъ полную возможность осуществить это на дѣлѣ, въ странѣ, гдѣ они ставятъ себѣ цѣлью принудить къ молчанію однихъ, въ тотъ моментъ, когда это имъ удается, неизбѣжно должны заговорить другіе, на языкѣ иномъ“*)...

Вспомнимъ времена Народн. Воли. Тогда еще болѣе грозное и сильное правительство стояло лицомъ къ лицу съ гораздо болѣе слабымъ врагомъ. Взаимная ненависть, взаимное ожесточеніе достигало крайнихъ предѣловъ. Но и тогда правительство не осмѣливалось на такую наглость, какъ порка десятками своихъ политическихъ противниковъ. Правительство ихъ ненавидѣло всѣми силами души—но оно въ то же время втайнѣ боялось и уважало ихъ. Насъ не боятся.... Наше молчаніе въ отвѣтъ на самыя возмутительныя мѣры придаетъ смѣлости врагу, разсчитывающему на полную безнаказанность...

Значеніе террористической борьбы, какъ средства самообороны,

*) Прокламація «Боев. организ. партіи соціалистовъ-революціонер.»

слишкомъ очевидно и понятно. Оно не можетъ отрицаться даже самыми крайними противниками террористическихъ средствъ. Даже „Искра", выставившая въ послѣднее время (см., напр., № 20, отъ 1-го мая) положенія, что „терроризмъ изолируетъ революціонную партію и тѣмъ осуждаетъ ее на пораженіе", „терроръ мѣшаетъ организаціи, а слѣдовательно и вообще политическому воспитанію рабочихъ",—даже „Искра" не можетъ закрывать глаза на дѣйствительность, и всѣ ею же сообщаемыя фактическія извѣстія идутъ рѣшительно вразрѣзъ съ принципіальной анти-террористической тенденціей газеты. Сообщая данныя о голодовкѣ политическихъ заключенныхъ въ Екатеринославской тюрьмѣ (гдѣ ихъ всячески оскорбляли, ругали площадной руганью, заключеннымъ женщинамъ дѣлали позорныя и унизительныя предложенія и т. под., — „Искра" не можетъ не признать, что „*дѣломъ чести* всѣхъ недовольныхъ существующимъ строемъ является энергическими протестами *заставить* самодержавіе обуздать разнузданное рвеніе своихъ холоповъ". Да, дѣломъ чести! Да, *заставить!* Но какъ? „Искра" отвѣчаетъ: „энергическими протестами". Надѣемся, однако, что не словесными и не бумажными? Мы сами не прочь бы хорошими словами усовѣстить Сипягиныхъ и ихъ присныхъ, и не наша вина, если „свистъ пули — вотъ единственно возможный теперь разговоръ съ нашими министрами, пока они не научатся понимать общечеловѣческую рѣчь и прислушиваться къ голосу страны"). Но „Искра" противъ террора. Ей кажется почему-то, что „такой поворотъ въ современномъ революціонномъ движеніи.... означалъ бы его съуженіе и грозилъ бы ему неудачей". „Искра" хочетъ „сдѣлать все возможное, чтобы не допустить такого поворота". Но и она соглашается, что эти ея усилія „могутъ увѣнчаться успѣхомъ лишь въ томъ случаѣ, если рабочіе и интеллигенція будутъ внимать призывамъ, подобнымъ тому, который сдѣланъ екатеринославскими товарищами, и покажутъ правительству, что, и не прибѣгая къ террору, революціонная Россія можетъ отстоять томящихся въ тюрьмахъ бойцовъ". Екатеринославскіе товарищи призывали къ демонстраціи протеста передъ зданіемъ тюрьмы. 5-го мая она состоялась и кончилась.... *поркой* демонстрантовъ! Можетъ-ли мирная демонстрація „заставить" правительство „обуздать разнузданное рвеніе своихъ холоповъ", если оно *безнаказанно* можетъ употреблять всѣ средства расправы съ демонстрантами? Мы знаемъ батумскую демонстрацію передъ стѣнами тюрьмы, окончившуюся тѣмъ, что „рвеніе" царскихъ слугъ было еще болѣе „разнуздано": тринадцать убитыхъ и множество раненыхъ были итогомъ попытки „доказать, что, и не прибѣгая къ террору, революціонная Россія можетъ отстоять томящихся въ тюрьмахъ бойцовъ". Сомнѣваемся, чтобы, послѣ этого опыта, батумскіе рабочіе согласились съ моралью „Искры". И въ этомъ намъ порукой тотъ фактъ, что, несмотря на всѣ свои теоретическіе споры и разногласія по вопросу о террорѣ, кавказскіе рабочіе, въ значительномъ большинствѣ идущіе за соціальдемократами, тѣмъ не менѣе жизнью вынуждают-

ся къ отвѣтамъ насиліемъ на насиліе. Не та же ли самая Искра устами своего корреспондента „тифлисскаго рабочаго“ (въ № 15) по поводу убійства Веденѣева („яраго противника раб. движ. и одного изъ умныхъ бичей соціальдемократіи“) говоритъ, что виновникъ покушенія „вѣрно подхватилъ настроеніе рабочихъ, и тысячи устъ матерей, женъ и сестеръ рабочихъ, оставшихся безъ заработка, будутъ благословлять стрѣлка и мѣткую пулю“. Сомнѣваемся, чтобы согласились съ моралью „Искры“ и виленскіе рабочіе, демонстрація которыхъ кончилась массовой поркой, и которые уже выдвинули изъ своей среды героя-мстителя въ лицѣ благороднаго и смѣлаго товарища, рабочаго Гирша Лекерта. Сомнѣваемся, чтобы согласились съ ней и многіе другіе .... Въ томъ же самомъ № „Искры“ мы находимъ описаніе ужаснаго положенія арестованныхъ гомельскихъ рабочихъ. „Особенно ужасно, когда мы просыпаемся ночью — пишутъ заключенные — о, ужаснѣе нельзя себѣ ничего представить! Воздухъ тогда такъ удушливъ, что мы еле дышимъ. Мы мечемся во снѣ во всѣ стороны, мы не находимъ себѣ мѣста. Одинъ стонетъ, другой кашляетъ, у третьяго — кровотеченіе изъ горла, и т. д. Сердце разрывается на части отъ такихъ страданій...“ И гомельскіе рабочіе должны были вступить также на тотъ *единственный* путь, который имъ оставался, чтобы выполнить „дѣло чести“. „22-го марта — пишетъ Искра — ночью на одной изъ главныхъ улицъ выстрѣломъ изъ револьвера былъ раненъ мѣстный провокаторъ, виновникъ страданій вышеупомянутыхъ заключенныхъ... Виновникъ покушенія скрылся“. Въ Тулѣ, въ Чулковской части, по свидѣтельству той же „Искры“, „мастеровые *со стыдомъ* спрашиваютъ: неужели среди насъ не найдется никого, кто бы избавилъ насъ отъ Лаврова (одинъ изъ мѣстныхъ маленькихъ самодержцевъ?“

Устами этихъ рабочихъ говоритъ сама жизнь... Настроеніе широкихъ слоевъ рабочихъ доказываетъ неопровержимо, что выдвигая террористическіе способы борьбы, партія соціалистовъ-революціонеровъ шла навстрѣчу уже назрѣвшей и наполовину сознанной потребности рабочаго люда — не только получать удары отъ врага и расписываться въ полученіи, но и отвѣчать на эти удары ударами же.

* * *

Значеніе террористич. дѣйствій, какъ средства самообороны, слишкомъ очевидно и понятно. Къ нимъ обстоятельства все чаще и чаще вынуждаютъ даже бывшихъ противниковъ этого средства борьбы, и не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать близость почти всеобщаго признанія его неотвратимости. И мы, вѣрные партизаны этой идеи даже во время ея всеобщей непопулярности, можемъ теперь сказать, что не напрасно пытались плыть противъ теченія, не напрасно подготовляли почву для расширенія нашей программы включеніемъ въ нее оружія, поражающаго врага, ободряющаго друзей и потрясающаго всю страну.

Одинъ изъ крупнѣйшихъ нашихъ соціальдемократическихъ писателей какъ то очень недурно опредѣлилъ отличіе *агитаціи* отъ

обычной *пропаганды* „Агитація — выразился онъ — это та же пропаганда, но пропаганда. имѣющая мѣсто при особыхъ условіяхъ, именно при условіяхъ, заставляющихъ прислушиваться къ словамъ пропагандиста даже такихъ людей. которые не обратили бы на нихъ вниманіе въ обычное время". И въ этой особенности лежитъ *агитаціонное* значеніе террористическихъ фактовъ. Они приковываютъ къ себѣ всеобщее вниманіе, будоражатъ всѣхъ, будятъ самыхъ сонныхъ, самыхъ индифферентныхъ обывателей, возбуждаютъ всеобщіе толки и разговоры, заставляютъ людей *политически мыслить* хотя бы противъ ихъ воли. Если обвинительный актъ Сипягину въ обычное время былъ бы прочитанъ тысячами людей, то послѣ террористическаго факта онъ будетъ прочитанъ десятками тысячъ, а стоустая молва распространитъ его вліяніе на сотни тысячъ, на милліоны. И если террористическій фактъ поражаетъ человѣка, отъ котораго пострадали тысячи людей. то онъ вѣрнѣе, чѣмъ мѣсяцы словесной пропаганды, способенъ перемѣнить взглядъ этихъ тысячъ людей на революціонеровъ и на смыслъ ихъ дѣятельности

Устрашаетъ ли, дезорганизуетъ ли террористическая борьба правящіе круги, и если да, то въ какой мѣрѣ? Это зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ. Нѣтъ сомнѣнія, если вся революціонная борьба исчерпывается террористическими поступками кучки лицъ, то надежда раздавить эту послѣднюю будетъ настолько велика, что для страха и растерянности, естественно, не останется мѣста. Но когда правительству и безъ того становится все труднѣе и труднѣе сдерживать общее недовольство, когда его окружаетъ огненное кольцо волненій, демонстрацій, сопротивленій властямъ, бунтовъ — тогда мѣтко направленные удары, неожиданно сваливающіе съ ногъ наиболѣе ревностныхъ и энергичныхъ столповъ реакціи, безусловно, способны внести въ ряды правительственныхъ слугъ разстройство и смятеніе. Если героическая борьба Народной Воли, разыгрывавшаяся въ эпоху меньшей культурной и политической зрѣлости Россіи. при отсутствіи сколько нибудь активной поддержки со стороны массъ, смогла пошатнуть тронъ и поставить на очередь вопросъ о конституціи. — то теперь, при наличности относительно сильнаго рабочаго движенія, при общемъ оппозиціонномъ настроеніи въ широкихъ культурныхъ слояхъ, при подъемѣ революціоннаго духа въ молодежи, при все болѣе и болѣе сильныхъ взрывахъ крестьянскаго недовольства, при общемъ экономическомъ и финансовомъ разстройствѣ страны, повтореніе такой же борьбы, несомнѣнно, дало бы гораздо бо́льшіе результаты. Она еще сильнѣе, чѣмъ прежде, подорвала бы вѣру въ правительственное всемогущество, внушила бы обывателямъ еще большее уваженіе къ силѣ революціонеровъ. Она вдохнула бы новыя силы въ колеблющихся, обезкураженныхъ. пораженныхъ печальнымъ исходомъ многихъ демонстрацій. Она удовлетворила бы психологической потребности въ отпорѣ. которой полны сердца избитыхъ и опозоренныхъ, и тѣмъ возстановила-бы ихъ душевное равновѣсіе. Громомъ героическихъ подвиговъ, примѣромъ само-

отверженія борцовъ она зажигала бы сердца лучшихъ людей, наполняя ихъ той же жаждой пожертвовать всѣмъ, чѣмъ можешь, сдѣлать все, что въ силахъ, для того же великаго дѣла. Наконецъ, эта борьба подняла бы высоко престижъ революціонной партіи въ глазахъ всѣхъ окружающихъ, доказавъ на дѣлѣ, что революціонный соціализмъ есть единственная нравственная сила, способная наполнять сердца такимъ беззавѣтнымъ энтузіазмомъ, такой жаждой подвиговъ самоотреченія, и выдвигать такихъ истинныхъ великомучениковъ правды, радостно отдающихъ жизнь за ея торжество!

И вотъ почему мы, далекіе отъ всякихъ односторонніхъ увлеченій, иллюзій и чрезмѣрно оптимистическихъ надеждъ, взялись за оружіе террористическихъ средствъ, чтобы подкрѣпить ими нашу борьбу, въ которой найдется достаточно мѣста для всѣхъ силъ и способностей, для всѣхъ видовъ революціонной энергіи, для всѣхъ людей съ живымъ революціоннымъ чувствомъ и готовностью бороться до конца!

Мы — за примѣненіе въ цѣломъ ряѣ случаевъ террористическихъ средствъ. Но для насъ террористическія средства не есть какая то самодовлѣющая система борьбы, которая одною собственной внутренней силой неминуемо должна сломить сопротивленіе врага и привести его къ капитуляціи. Террористическія дѣйствія вовсе не должны быть какимъ то замкнутымъ внутри себя рядомъ актовъ, воплощающимъ собою всю непосредственную борьбу съ врагомъ. Напротивъ — для насъ террористическіе акты могутъ быть лишь частью этой борьбы, частью, неразрывно связанной съ другими частями; въ этой-то живой, органической связи они и почерпаютъ всю свою силу, все свое значеніе... И, какъ всякая часть, они должны быть сообразованы съ цѣлымъ, должны быть переплетены въ одну цѣлостную систему со всѣми прочими способами партизанскаго и массового, стихійнаго и цѣлесообразнаго напора на правительство. Терроръ — лишь одинъ изъ родовъ оружія, находящійся въ рукахъ одной изъ частей нашей революціонной арміи. Въ нашей борьбѣ мы стараемся привести въ движеніе самыя разнообразныя общественныя силы, и каждой изъ этихъ силъ свойствененъ свой особый способъ проявленія. Это не мѣшаетъ имъ дѣйствовать по единому плану. Такъ и террористическая борьба не будетъ чѣмъ то витающимъ внѣ прочихъ видовъ революціонной работы и господствующимъ надъ ними. Это — только одинъ изъ техническихъ пріемовъ борьбы, который лишь во взаимодѣйствіи съ другими пріемами можетъ проявить все то дѣйствіе, на которое мы разсчитываемъ. Онъ усиливаетъ вліяніе всѣхъ другихъ параллельныхъ формъ борьбы, и его собственное вліяніе усиливается дѣйствіемъ этихъ послѣднихъ. Совершенно также, какъ сила ассоціаціи людей не сводится къ ариѳметической суммѣ силъ отдѣльныхъ индивидовъ, такъ и сила одновременнаго напора на правительство всѣми средствами увеличиваетъ силу каждаго отдѣльнаго изъ этихъ средствъ.

Такимъ образомъ, мы первые будемъ протестовать противъ вся-

каго однобокаго, исключительнаго терроризма. Отнюдь не *замѣнить*, а лишь *дополнить и усилить* хотимъ мы массовую борьбу смѣлыми ударами боевого авангарда, попадающими въ самое сердце вражескаго лагеря. Борьба террористическими средствами, поэтому, для насъ вовсе не является тѣмъ поединкомъ или единоборствомъ вождей, которымъ въ стародавнія времена нерѣдко рѣшались войны; не является для насъ терроръ и тѣмъ солнцемъ, вокругъ котораго, какъ подчиненныя планеты, вращаются всѣ другіе способы дѣйствія, и отраженнымъ свѣтомъ котораго они свѣтятъ... Для партіи соціалистовъ-революціонеровъ, какъ цѣлаго, терроръ не является такимъ центральнымъ пунктомъ, изъ котораго бы исходило и къ которому бы сводилось все. Конечно, въ ея рядахъ могутъ быть лица и группы, имѣющія по этому пункту свое „особое мнѣніе“ въ ту или другую сторону. Это — ихъ право. Партія никогда не будетъ покушаться на свободу ихъ мнѣній, никогда не будетъ и лишать ихъ возможности открыто эти мнѣнія высказывать. Но она всегда будетъ проводить опредѣленную грань между индивидуальными мнѣніями своихъ отдѣльныхъ членовъ и тѣмъ, что служитъ общей почвой партійнаго соглашенія.

Партія соціалистовъ-революціонеровъ, какъ цѣлое, отнюдь не думаетъ искать въ террористической борьбѣ какого-то мистическаго, единоспасающаго и всеразрѣшающаго средства, какой то панацеи, какой-то разрывъ — травы, передъ которой размыкаются всѣ замки и запоры. Но это для нея — одно изъ самыхъ крайнихъ и энергическихъ средствъ борьбы съ самодержавной бюрократіей, сдерживанія правительственнаго произвола, дезорганизаціи правительственнаго механизма, агитаціи и возбужденія общества, пробужденія энтузіазма и боевого духа въ самой революціонной средѣ. И этого достаточно, чтобы занять по отношенію къ вопросу о террорѣ ту позицію, которую партія соціалистовъ-революціонеровъ заняла въ настоящее время.

* * *

Вопросъ о роли террористическаго элемента въ революціонной программѣ настолько серьезенъ и важенъ, что здѣсь не должно быть мѣста никакимъ недомолвкамъ и никакой неопредѣленности. Его нельзя обойти; его необходимо рѣшить. Мы совершенно не понимаемъ позиціи, занятой по отношенію къ этому вопросу соц.-дем. органами, въ частности, напр., „Искрой“. Одно изъ двухъ: или въ настоящее время террористическіе факты нужны и необходимы, или нѣтъ. Если мнѣніе о пользѣ и неизбѣжности террора не вѣрно — то нужно приложить всѣ усилія, чтобы террористическихъ поступковъ не повторялось. Нужно объявить вредной ошибкой выстрѣлъ Карповича, вредной ошибкой выстрѣлъ Балмашева, вредной ошибкой выстрѣлъ Лекерта и т. д., и т. д. Или же терростическіе акты въ настоящее время могутъ быть полезными и даже необходимыми,—и тогда революціонная партія не можетъ сказать: „моя хата съ краю“, не можетъ отойти въ сторону и умыть

руки, подобно Понтію Пилату: она должна ввести террористическіе акты въ свою программу и поставить ихъ подъ свой сознательный контроль, потому что только партійнымъ контролемъ могутъ быть гарантированы и успѣхъ, и своевременность удара, и, наконецъ, удачный выборъ той цѣли, въ которую бьетъ ударъ. Террористическіе акты — средство слишкомъ сильное, слишкомъ чреватое всякими послѣдствіями, чтобы ихъ употребленіе можно было съ легкимъ сердцемъ всецѣло предоставить индивидуальному произволу отдѣльныхъ лицъ, подверженныхъ случайнымъ вліяніямъ и настроеніямъ. Гиршъ Лекертъ явился въ тотъ самый моментъ, когда былъ необходимъ актъ возмездія. Но Гиршъ Лекертъ могъ и не явиться, — что было бы тогда? Если объявить террористическіе акты исключительно дѣломъ иррегулярной, партизанской борьбы, то гдѣ ручательства, что они будутъ приходить во время и что ихъ не будетъ не во время? Гдѣ ручательства, что цѣль будетъ выбрана удачно, что ударъ не обрушится на неподходящее лице, случайно возбудившее негодованіе сравнительно небольшой кучки лицъ, и не минуетъ насильника, обузданіе котораго составляетъ затаеннѣйшую мечту самыхъ широкихъ слоевъ населенія?

Только партія, т. е. совокупность практическихъ работниковъ, дѣйствующихъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ, знающихъ потребности и запросы революціоннаго дѣла во всѣхъ его развѣтвленіяхъ — только партія достаточно компетентна для рѣшенія подобныхъ вопросовъ, и только партія достаточно сильна, чтобы обезпечить не случайно приходящій со стороны, а заранѣе подготовленный отпоръ врагу.

Мало того. Террористическіе акты требуютъ жертвъ. Если вы предоставите отдѣльнымъ лицамъ всецѣло рѣшать вопросъ о нанесеніи отвѣтныхъ ударовъ врагамъ, если вы оставите ихъ разрозненными, неорганизованными — гдѣ ручательство, что на терроръ не уйдетъ слишкомъ много силъ? Гдѣ ручательства, что на него не пойдутъ тѣ самыя лица, которыя могли бы сдѣлать гораздо больше на другомъ поприщѣ? Гдѣ ручательство, что на него пойдутъ лица, способныя съ честью выдержать всѣ испытанія, связанныя съ такого рода попытками, лица, которыя съумѣютъ и передъ лицомъ жестокихъ палачей, и передъ лицемъ казни высоко держать знамя революціи? Всѣ эти вопросы слишкомъ важны для партіи, чтобы можно было предоставлять ихъ на рѣшеніе случайности...

Но и это еще не все. Не только интересъ партіи можетъ страдать отъ ухода на терроръ силъ, которыя важно приберечь для другого дѣла; не только честь революціи можетъ страдать отъ выступленія въ отвѣтственной роли исполнителей приговора революціонной Немезиды — людей, не обладающихъ для этого необходимыми данными; — можетъ еще страдать престижъ революціонной партіи, вѣра въ ея силы, если разрозненные, не организованные, не поддержанные партіей бойцы окажутся просто слишкомъ слабыми для достиженія поставленной ими себѣ цѣли. Террористи-

ческіе акты могутъ произвести опредѣленное положительное дѣйствіе только тогда, когда за ними чувствуется сила, когда въ нихъ звучитъ серьезная, роковая угроза на будущее время. Случайныя же покушенія отдѣльныхъ лицъ, неорганизованныя, неподготовленныя, часто являющіяся только „покушеніями съ негодными средствами", способны только раздразнить врага и внушить ему пренебреженіе къ силамъ революціонеровъ — т. е. достигнуть результата, діаметрально противоположнаго тому, который имѣлся въ виду. Жертвъ же будетъ, конечно, не меньше, а даже больше, и, что всего ужаснѣе — жертвъ безплодныхъ...

Вотъ передъ нами Лаговскій — человѣкъ, рѣшившійся на подвигъ самоотверженія — и вынужденный стрѣлять, вмѣсто Побѣдоносцева, въ стекло окна квартиры Побѣдоносцева, — а почему? Потому, что онъ одинъ, предоставленый исключительно своимъ личнымъ силамъ, изнемогшій подъ тяжестью громаднаго дѣла, которое онъ взвалилъ на свои плечи; потому, что въ безплодныхъ попыткахъ выслѣдить Побѣдоносцева онъ остается безъ гроша въ карманѣ, мучимый голодомъ и безсонницей, измотавшійся, нервно уставшій, доведенный почти до отчаянія... Вотъ Аллартъ, револьверъ которой въ роковой, критическій моментъ отказывается служить; вотъ Михалевичъ, вынужденный на безнадежную попытку съ финскимъ ножемъ въ рукахъ пробивать себѣ дорогу къ Трепову; вотъ, наконецъ, Гиршъ Леккертъ, который и при сравнительно благопріятныхъ обстоятельствахъ достигаетъ лишь частичнаго успѣха. Всѣ эти факты тѣмъ ярче оттѣняютъ казнь Сипягина, такъ тщательно оберегаемаго, казнь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ совершалъ свои преступленія противъ народа, казнь, которая своей организованностью, продуманностью своего плана и блестящимъ успѣхомъ производитъ глубочайшее впечатлѣніе на всѣхъ...

Нѣтъ, довольно этихъ безплодныхъ человѣческихъ жертвоприношеній! Если подвиги Леккертовъ — не вредныя ошибки, если эти подвиги дѣйствительно нужны, если мы горячо привѣтствуемъ ихъ, какъ необходимое дѣло для отпора и обузданія насильниковъ, то было бы позорнымъ и нечестнымъ съ нашей стороны отстраниться и свалить всецѣло на ихъ плечи всю тягость рокового дѣла. Оскорбленіе чести и достоинства членовъ партіи есть оскорбленіе ея собственнаго достоинства и чести, и отстаиваніе того и другого она не можетъ взвалить, какъ чужое для нея дѣло, всецѣло на плечи отдѣльныхъ смѣльчаковъ-партизановъ. Они вправѣ требовать отъ насъ поддержки и моральной, и матеріальной. Они умираютъ за насъ, и мы нравственно обязаны дать имъ необходимыя средства для успѣха ихъ отважныхъ попытокъ, дать имъ возможность по крайней мѣрѣ умереть съ радостнымъ сознаніемъ, что не напрасно пожертвовали жизнью...

Террористическіе удары должны быть дѣломъ *организованнымъ*. Они должны быть поддержаны партіей, регулирующей ихъ примѣненіе и берущей на себя нравственную отвѣтственность за нихъ. Это сообщитъ и самимъ героямъ-борцамъ то необходимое

моральное спокойствіе, которое невозможно при дѣйствіяхъ на свой личный рискъ и страхъ, безъ увѣренности въ моральной санкціи и поддержкѣ партіи. Партійный контроль и партійное регулированіе предотвратятъ опасность — какъ бы террористическая борьба не оторвалась отъ всей остальной революціонной борьбы, не превратилась бы во что-то самодовлѣющее, не перестала считаться съ ея мѣняющимися потребностями и интересами; какъ бы размѣры силъ террористической дружины не остались единственнымъ рѣшающимъ мотивомъ въ вопросѣ о началѣ, продолженіи, пріостановкѣ борьбы; какъ бы изъ средства эта борьба не превратилась въ цѣль; какъ бы она не заняла несоотвѣтствующаго (въ ту или другую сторону) мѣста въ революціонной программѣ и практикѣ; какъ бы, наконецъ, тактика террористовъ не разошлась съ общей тактикой революціонной арміи и не вошла въ конфликтъ съ ней...

Но если такимъ образомъ въ *тактическомъ* отношеніи необходимо *координированіе* борьбы террористическими средствами со всѣми прочими формами революціонной дѣятельности и борьбы, то въ *техническомъ* отношеніи не менѣе необходимо *отдѣленіе* ея отъ прочихъ функцій партіи. Строгое *идейное* единство и не менѣе строгое *организаціонное* раздѣленіе! Вотъ требованіе, которому вполнѣ отвѣчаетъ современная постановка этого дѣла въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Согласно рѣшенію партіи, изъ нея выдѣлилась спеціальная Боевая Организація, принимающая на себя — на началахъ строгой конспираціи и раздѣленія труда — исключительно дѣятельность дезорганизаціонную и террористическую. Эта боевая организація получаетъ отъ партіи — черезъ посредство ея центра — общіе директивы относительно выбора времени для начала и пріостановки военныхъ дѣйствій и относительно круга лицъ, противъ которыхъ эти дѣйствія направляются. Во всемъ остальномъ она надѣлена самими широкими полномочіями и полной самостоятельностью. Она связана съ партіей только черезъ посредство центра и совершенно отдѣлена отъ мѣстныхъ комитетовъ. Она имѣетъ вполнѣ обособленную организацію, особый личный составъ (по условіямъ самой работы, конечно, крайне немногочисленный), отдѣльную кассу, отдѣльные источники средствъ. Эта боевая организація беретъ всецѣло на себя роль охранительнаго отряда, освобождая мѣстные комитеты партіи отъ проклятой обязанности отвлекаться отъ своего главнаго дѣла для самозащиты и обузданія насильниковъ. При существованіи такой боевой дружины не могутъ оказать деморализующаго вліянія самые возмутительные акты произвола и надругательства надъ человѣческой личностью, ибо всегда есть кому призвать къ отвѣту виновныхъ, есть надежное ручательство, что наиболѣе возмутительныя безобразія не останутся безнаказанными. И поэтому мѣстные комитеты болѣе, чѣмъ когда-либо, получаютъ полную возможность посвятить всѣ свои силы, отдаться всецѣло творческой работѣ — пропагандѣ, агитаціи, подготовленію и устройству демонстрацій, организаціи рабочихъ массъ въ городѣ и деревнѣ, вербовкѣ той ве-

ликой соціалистической арміи труда, непрерывный ростъ которой служитъ для насъ вѣрнѣйшимъ залогомъ побѣды!

Ибо революціонизированіе массъ—вотъ наше постоянное, основное дѣло, какъ партіи соціально-революціонной; оно неотдѣлимо отъ насъ по самой своей сущности; это — тотъ необходимый общій фонъ, на которомъ уже дальше текущая жизнь съ ея мѣняющимися запросами вырисовываетъ тѣ или другіе узоры. Терроръ же — одно изъ временныхъ, преходящихъ техническихъ средствъ, за которое мы беремся отнюдь не ради его самого, а лишь исполняя тяжелый долгъ, вытекающій изъ трижды тяжелыхъ условій современной русской жизни.

ВЫНУЖДЕННОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Революціонный подвигъ и смерть нашего товарища, рукой котораго приведенъ въ исполненіе приговоръ надъ Сипягинымъ, вызвали въ революціонной литературѣ много всякихъ сообщеній, отзывовъ и комментаріевъ, среди которыхъ попадается не мало фактически невѣрныхъ и совершенно затемняющихъ истину. Мы взяли себѣ за правило съ самаго начала избѣгать до послѣдней возможности всякой „полемики", всякихъ поводовъ для междуфракціонныхъ споровъ, отступая отъ этого правила лишь передъ безусловной необходимостью. Никакой охоты полемизировать не чувствуемъ мы и теперь, и если беремся за перо, чтобы говорить по поводу отношенія нѣкоторыхъ революціонныхъ органовъ къ дѣлу Балмашева, то только потому, что вопросъ этотъ слишкомъ важенъ и жгучъ, интересы истины слишкомъ страдаютъ, а память казненнаго товарища слишкомъ дорога для насъ, чтобы оставить безъ поправокъ и возраженій нѣкоторыя утвержденія и отзывы.

Одну изъ такихъ поправокъ нашла себя вынужденной сдѣлать непосредственно „Боевая Организація" нашей партіи, выдвинувшая изъ своихъ рядовъ Степана Валеріановича Балмашева. Мы воспроизводимъ дословно сообщенный намъ ею текстъ письма, посланнаго ею въ редакцію газеты „Искра" по поводу передовой статьи № 20 этой газеты:

„Въ видахъ выясненія истины, не откажите дать мѣсто на страницахъ Вашего органа нижеслѣдующимъ строкамъ.

Въ № 20 „Искры", въ статьѣ „Смерть Сипягина и наши агитаціонныя задачи", говорящей, между прочимъ, о „русскихъ *студентахъ*, поднимающихъ руку на звѣроподобныхъ опричниковъ всероссійскаго самодержца", политическому акту Степана Валеріановича Балмашева дается невѣрное освѣщеніе. Именно, въ статьѣ этой мы читаемъ:

„Въ смерти Сипягина виновато прежде всего упорство той реакціонной клики, къ которой онъ принадлежалъ до конца своихъ дней и которая отвѣчала полицейскими разбоями *на самыя естественныя и самыя неизбѣжныя требованія студенчества*... Онъ сдѣлался отвѣтственнымъ издателемъ почти всѣхъ репрессивныхъ мѣропріятій, направленныхъ *противъ этой молодежи*. Мудрено ли, что ему и пришлось *за нихъ* отвѣтить?" („Искра" № 20).

Казненный С. В. Балмашевъ былъ прежде всего соціалистомъ и революціонеромъ. Даже и во время своего пребыванія въ стѣнахъ университета онъ очень малую часть своего времени и силъ посвящалъ чисто студенческому движенію. Убійство министра внутреннихъ дѣлъ совершено имъ, не какъ студентомъ, а какъ членомъ боевой организаціи Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, по ея постановленію и при ея непосредственномъ содѣйствіи. Въ прокламаціи, выпущенной отъ имени этой организаціи 3 го апрѣля — почти за мѣсяцъ до появленія № 20 „Искры“ помѣченнаго 1-мъ мая, — ясно указаны тѣ мотивы, которые заставили ее — впервые въ лицѣ Балмашева — вступить на путь террористическихъ актовъ. О притѣсненіяхъ, направленныхъ спеціально противъ студенчества, упоминается лишь въ одномъ изъ четырнадцати пунктовъ краткаго обвинительнаго акта правящей реакціонной кликѣ, которымъ начинается эта прокламація. Послѣ этого болѣе чѣмъ странно разсматривать актъ С. В. Балмашева, какъ проявленіе чисто студенческаго недовольства и видѣть въ казненномъ исключительно или прежде всего представителя студенчества и мстителя за студенчество.

Сипягинъ убитъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, на отвѣтственности котораго лежатъ тысячи вопіющихъ злодѣяній, злодѣяній, передъ которыми меркнутъ даже всѣ драконовскія мѣропріятія, спеціально направленныя противъ волнующагося студенчества. Издѣвательства надъ демонстрантами, обуховское и батумское кровополитіе и расправа съ рабочими, систематическое вымариваніе голодающей деревни, надругательства надъ заключенными политическими противниками — всѣ эти ужасы слишкомъ поражающи и огромны, и С. В. Балмашевъ не былъ бы тѣмъ Балмашевымъ, котораго мы знали, если бы послѣ *такихъ* событій, *такихъ* ужасовъ репрессивныя мѣропріятія противъ учащейся молодежи заняли въ его душѣ исключительное или хотя бы первенствующее мѣсто, какъ мотивъ его героическаго рѣшенія... Лично С. В. Балмашевъ менѣе всего считалъ себя „студентомъ“. Будучи очень близокъ къ рабочимъ кругамъ, онъ шелъ, какъ мститель прежде всего за насилія и издѣвательства надъ “труждающимися и обремененными“, надъ представителями труда, надъ рабочимъ классомъ въ широкомъ значеніи этого слова. Это онъ заявилъ на судѣ; этимъ же онъ объяснялъ свой поступокъ въ письмѣ къ родителямъ, гдѣ онъ писалъ: „я приношу свою жизнь въ жертву великому дѣлу облегченія участи трудящихся и угнетаемыхъ, и это, я вѣрю, даетъ мнѣ нравственное оправданіе въ той жестокости, которую я совершилъ по отношенію къ вамъ, своимъ горячо любимымъ и уважаемымъ родителямъ“...

С. В. Балмашевъ явился исполнителемъ рѣшенія боевой организаціи партіи, и мотивовъ его рѣшенія нужно прежде всего искать въ оффиціальныхъ заявленіяхъ этой организаціи, а не въ какихъ бы то ни было догадкахъ и предположеніяхъ, неизвѣстно на чемъ основанныхъ.

Можно спорить о цѣлесообразности или нецѣлесообразности

даннаго акта, но во всякомъ случаѣ своей смертью С. В. Балмашевъ заслужилъ, чтобы рабочимъ не представляли его поступка тѣмъ, чѣмъ онъ никогда не былъ — простымъ слѣдствіемъ студенческаго недовольства, — а выяснили бы, что онъ погибъ, какъ борецъ за дѣло освобожденія всего трудящагося и угнетеннаго народа.

БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВЪ РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

* * *

Намъ нечего прибавить къ этому заявленію Боевой Организаціи. Но передъ нами лежатъ еще два документа, требующіе, къ сожалѣнію, еще болѣе рѣшительныхъ поправокъ.

Во № 2 Листковъ „Жизни", въ замѣткѣ „Казнь Балмашева" авторы относятъ актъ Балмашева къ числу поступковъ „нецѣлесообразныхъ, но тѣмъ не менѣе героическихъ", и поясняютъ это слѣдующимъ примѣромъ. „Съ моря несутся крики утопающихъ. Одинъ изъ бѣгущихъ на эти крики, недолго раздумывая, бросается въ воду, борется съ волнами, изнемогаетъ и гибнетъ. Другой сначала осматривается кругомъ, видитъ у берега крѣпкую лодку, садится въ нее, подъѣзжаетъ къ утопающимъ, бросаетъ имъ канатъ и спасаетъ. Второй поступилъ цѣлесообразнѣе, но поступокъ перваго героичнѣе"

Мы рѣшительно не знаемъ, на какомъ основаніи сравниваютъ авторы С. В. Балмашева съ неосторожнымъ пловцомъ, который „не долго раздумывая" сгоряча бросается въ воду, вмѣсто того, чтобы „сначала осмотрѣться кругомъ". Пусть повѣрятъ намъ авторы „Жизни", что С. В. Балмашевъ очень долго и мучительно „раздумывалъ" и „осматривался", прежде чѣмъ выбралъ опредѣленную жизненную дорогу... Въ особой брошюрѣ мы надѣемся вскорѣ ознакомить нашихъ читателей съ исторіей этой молодой, но глубокой и необычайно искренней „правдоискательствующей" души. Можетъ быть, съ точки зрѣнія „Жизни" онъ „раздумывалъ" неосновательно, и „осматриваясь кругомъ" проявилъ близорукость. Но, если бы даже „Жизнь" и была въ этомъ отношеніи права, ничто не давало бы ей права разсматривать актъ С. В. Балмашева, рѣшенный, къ тому же, не имъ однимъ, а цѣлой организаціей, — какъ простую вспышку героическаго безумія, дѣлающую честь его сердцу, но отнюдь не головѣ. Если это — безуміе, — то развѣ лишь въ смыслѣ противоположности тому „благоразумію", отъ котораго съ презрѣніемъ отворачивался одинъ изъ нашихъ любимыхъ писателей, восклицая — „безумство храбрыхъ — вотъ мудрость жизни!"

* * *

Еще дальше завлекаетъ полемическое отношеніе къ террору авторовъ № 1 „Летучаго Листка", вышедшаго изъ типографіи „СПБ. Союза борьбы". Они не только передаютъ рядъ абсолютно невѣрныхъ сообщеній, вродѣ того будто Балмашевъ на судѣ объявилъ убійство Сипягина своимъ единоличнымъ дѣломъ, но и го-

ворятъ странныя въ устахъ революціонера рѣчи о нравственной недопустимости террористич. средствъ, какъ дѣла партіи.

„Газеты“ (какія?) читаемъ мы въ „листкѣ“ — разсуждали на ту тему, что право отымать жизнь не принадлежитъ обществу. Мысль вполнѣ справедливая. Ни приговоръ партіи (правительственной или революціонной — безразлично) ни мнѣніе какого бы то ни было общества не могутъ санкціонировать этого высшаго насилія надъ личностью. Терроръ, какъ программа, врядъ ли можетъ быть защищаемъ, какъ съ соціологической, такъ и съ моральной точки зрѣнія“...

Если бы цодъ этимъ листкомъ не стояла подпись „Тип. СПБ. Союза Борьбы“, то мы подумали бы, что это пишутъ сторонники „непротивленія злу насиліемъ“... Никто не имѣетъ право отымать у другого жизнь — терроръ незащитимъ съ моральной точки зрѣнія!... Но въ такомъ случаѣ имѣетъ ли какая бы то ни было партія вообще право на насильственныя, на революціонныя средства? Во время кровавыхъ революцій отнимается жизней еще больше, чѣмъ во время террористическихъ актовъ. Можетъ быть и рѣшеніе выйти на баррикады тоже неоправдываемо съ моральной точки зрѣнія? Вѣдь это — рѣшеніе не отступать въ борьбѣ передъ „высшимъ насиліемъ надъ человѣческой личностью“... И у кого „отнимать жизнь“ будутъ возставшіе революціонеры? У тѣхъ самыхъ крестьянъ, тѣхъ самыхъ рабочихъ, переряженныхъ въ военные мундиры и вышколенныхъ въ казармахъ, которые являются лишь слѣпыми орудіями въ рукахъ своихъ же собственныхъ тирановъ и истязателей! Неужели жизнь ихъ съ нравственной точки зрѣнія для насъ менѣе священна, чѣмъ жизнь такихъ звѣрей во образѣ человѣческомъ, какъ Сипягины, Клейгельсы и Плеве?

Не хуже авторовъ „Листка“ — мы понимаемъ, что отнятіе жизни человѣческой — дѣло ужасное и отталкивающее... Но наши понятія о нравственности, повидимому, совершенно расходятся съ ихъ понятіями. Въ странѣ рабства, въ странѣ молчанія, въ странѣ, гдѣ милліоны людей осуждены правящей кликой на полуголодное, животное прозябаніе, превращены въ рабочій скотъ, обезличены, повергнуты въ ужасъ духовнаго невѣжества, грубѣйшихъ суевѣрій и моральной смерти; — въ странѣ, гдѣ къ бѣдствіямъ голода духовнаго присоединяются страданія физическихъ голодовокъ, гдѣ гуляютъ голодный тифъ, цынга, всякаго рода эпидеміи и косятъ несмѣтное множество жизней — жизней дряхлыхъ стариковъ, полныхъ силъ юношей, женщинъ, неповинныхъ ни въ чемъ малютокъ; въ странѣ, гдѣ правящая клика поистинѣ купается въ слезахъ и крови своихъ несчастныхъ жертвъ, отвѣчая свирѣпой жестокостью и наглыми издѣвательствами на малѣйшіе проблески протеста — въ этой странѣ, согласно *нашей* нравственности, мы не только имѣемъ нравственное право — нѣтъ болѣе того, мы нравственно *обязаны* положить на одну чашку вѣсовъ — все это море человѣческаго страданія, а на другую — покой, безопасность, самую жизнь его виновниковъ. Для нашего нравственнаго спокойствія было бы легче, чтобы этой роковой дилеммы не было; мы

были бы избавлены отъ многихъ тяжелыхъ „размышленій, тоски и думы роковой", отъ мучительной внутренней борьбы, отъ необходимости одерживать самую тяжелую изъ всѣхъ побѣдъ — побѣду надъ самими собой. Но нельзя же намъ изъ подобныхъ соображеній утонченнаго нравственнаго эгоизма уклониться отъ неизбѣжнаго выбора, когда это значило бы — обречь себя на роль попустителей, и, слѣдовательно, безмолвныхъ, пассивныхъ нравственныхъ соучастниковъ творящихся вокругъ насъ преступленій. На эту позорную роль мы не хотимъ, не можемъ себя обречь.

Мы не понимаемъ той неземной нравственности, нравственности „не отъ міра сего", которая блюдетъ лишь самодовлѣющую и абсолютную чистоту индивида, не считаясь со страданіями или счастьемъ человѣчества, какъ основой рѣшенія. Не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка. Наша нравственность не витаетъ гдѣ то на недосягаемой заоблачной высотѣ надъ грѣшной землей. Нѣтъ, наша нравственность — земная, она есть ученіе о томъ, какъ въ нашей нынѣшней жизни идти къ завоеванію лучшаго будущаго для всего человѣчества, черезъ школу суровой борьбы и труда, по усѣяннымъ терніями тропинкамъ, по скалистымъ крутизнамъ и лѣснымъ чащамъ, гдѣ насъ подстерегаютъ и дикіе звѣри, и ядовитые гады. Это — боевой кличъ, а не сантиментальныя и прекраснодушныя воздыханія о томъ, какъ бы совсѣмъ обойтись безъ „насилій надъ личностью" — хотя бы и надъ личностью насильниковъ; это — ученіе о трудномъ и суровомъ нравственномъ долгѣ, а не объ утонченномъ нравственномъ эпикурействѣ, отъ котораго никому ни тепло, ни холодно — кромѣ, развѣ, насильниковъ и угнетателей, которымъ спокойно и тепло, да насилуемыхъ и угнетаемыхъ — которымъ очень, очень холодно... Намъ не нужно этой нравственности, которая свѣтитъ, но не грѣетъ, и своимъ холоднымъ свѣтомъ только ярче освѣщаетъ пропасть между жизнью и идеаломъ, вмѣсто того, чтобы построить мостъ отъ жизни къ идеалу изъ матеріаловъ той же грѣшной земли...

* * *

Мы знали, конечно, что многіе разойдутся съ нами въ оцѣнкѣ акта, исполнителемъ котораго явился С. В. Балмашевъ. Но мы думали, что спорнымъ останется между нами исключительно вопросъ о степени цѣлесообразности извѣстныхъ методовъ борьбы. Мы не ожидали, чтобы изъ революціонной среды могъ раздаться голосъ, набрасывающій тѣнь на моральную сторону этого рода борьбы; мы не ожидали, чтобы, вопреки фактамъ, пытались низводить этотъ актъ со степени политическаго поступка на степень какой то безсознательной вспышки, не подлежащей оцѣнкѣ съ соціально-политической точки зрѣнія, или умалять его значеніе до степени простого выраженія профессіонально-студенческаго недовольства. Мы ошиблись... Фракціонныя разногласія настраиваютъ многихъ такъ, что, къ сожалѣнію, споръ долженъ выходить изъ тѣхъ границъ, въ которыхъ, какъ казалось, долженъ былъ бы

его удержать самый характеръ обсуждаемаго событія. Но мы убѣждены, что здоровое нравственное чутье всякаго, кого еще не заѣла въ конецъ фракціонность, подскажетъ должное отношеніе къ явленіямъ этого рода. Печатаемое ниже письмо С. В. Балмашева къ родителямъ само по себѣ является лучшимъ отвѣтомъ на многія изъ утвержденій, о которыхъ, къ нашему крайнему сожалѣнію, намъ пришлось говорить — и такъ много говорить...

ПИСЬМО СТЕПАНА БАЛМАШЕВА КЪ РОДИТЕЛЯМЪ.

Дорогіе мои! Пользуюсь счастливымъ случаемъ, пишу вамъ нѣсколько строкъ, въ надеждѣ, что онѣ дойдутъ до васъ. Событіе 2-го апрѣля и мое участіе въ немъ, навѣрное, поразило васъ громомъ неожиданности и острой болью.

Но не обрушивайтесь на меня всей тяжестью упрека! Неумолимыя, безпощадныя условія русской жизни довели меня до такого поступка, заставили пролить человѣческую кровь, а главное—причинить вамъ на старости лѣтъ незаслуженныя страданія отъ утраты единственнаго сына.

Какъ неизмѣримо счастливъ былъ бы я теперь, выполнивъ свой долгъ гражданина, если бы не угнетала меня мысль о вашей скорби, о той душевной мукѣ, которую вы теперь должны испытывать. И несмотря на это, несмотря на то, что свѣтлое состояніе моего духа и блаженное самочувствіе отъ сознанія выполненныхъ требованій моей совѣсти омрачается горечью при мысли о вашей печали, — я, разумѣется, нисколько не раскаиваюсь въ томъ, что сдѣлалъ.

Не мнѣ, конечно, выяснять вамъ значеніе борьбы съ наиболѣе яркими и вредными представителями самодержавнаго режима. Не мнѣ говорить вамъ о неизбѣжности жертвъ въ этой борьбѣ. Проклятыя условія современной русской дѣйствительности требуютъ жертвовать не только матеріальными благами, но отнимаютъ у родителей ихъ единственныхъ дѣтей. Я приношу свою жизнь въ жертву великому дѣлу облегченія участи трудящихся и угнетаемыхъ, и это, я вѣрю, даетъ мнѣ нравственное оправданіе въ той жестокости, которую я совершилъ по отношенію къ вамъ, своимъ горячо любимымъ и уважаемымъ родителямъ.

Пусть сознаніе этого значенія моего поступка умиротворитъ вашу естественную родительскую скорбь. Въ заключеніе обращаюсь къ вамъ съ просьбой, хотя понимаю, какъ трудно она исполнима. Что-бы ни было со мной, будьте такъ же тверды и спокойны, какъ я. Быть можетъ, ваше успокоеніе передастся и мнѣ черезъ толстыя тюремныя стѣны и уменьшитъ мою тревогу за васъ.

Вашъ Степа.

Петербургъ, 3-го апрѣля 1902 г.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Библіотека КИЭЛ 412259.